
О. Б. КОШОВЕЦ, И. Э. ФРОЛОВ, А. В. ЧУСОВ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОСТИ В МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье анализируется категория «онтология» в контексте проблемы отношения «чистой» теории к экономической реальности и характер развития онтологической проблематики в методологии экономической науки. Ставится задача позитивной переинтерпретации онтологических конструкций в метатеоретические научные схемы для проверки на реалистичность экономических теорий, их применимость на практике. Предлагается схема методологического анализа онтологических конструкций экономических теорий и моделей для построения строго определенной научно-реализуемой онтологии. В качестве примера рассматривается «абстрактная экономика» Эрроу – Дебрё.

Ключевые слова: онтология, экономическая теория, экономическая реальность, модель Эрроу – Дебрё, критический реализм, знание.

Одной из центральных и наиболее дискутируемых проблем методологии экономической науки является вопрос о причинах кризисного состояния так называемой «чистой теории». Эта тема имеет различные аспекты, однако главный вопрос касается соответствия «чистой теории» экономической науки экономической реальности¹. Данная проблема обусловлена спецификой развития экономической теории (мейнстрима), где в силу исторических обстоятельств доминирующую роль играет математическая форма представления знания, а развитие теоретического корпуса характеризуется нарастанием применения различного математического

¹ Maki U. (ed.) *Fact and Fiction in Economics. Realism, Models, and Social Construction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Blaug M. *Ugly Currents in Modern Economics // Options Politiques*. – 1997. – № 18 (17). – Pp. 3–8; Lawson T. *Economics and Reality*. – London: Routledge, 1997; Ward B. *What's Wrong with Economics?* – London: Macmillan, 1972.

аппарата. При этом оказывается в глубокой тени тот факт, что математический аппарат в нематематических науках создается для решения задач, имеющих (в конечном счете) практическое значение.

Особенности эволюции экономического знания в конечном счете способствовали *обособлению некоторой формы экономического знания от ее предметного, содержательного, исторического наполнения, создавая возможность для воспроизводства и развития специфических математически формализованных знаний (моделей)*, которые, в свою очередь, порождают собственное экономически интерпретированное содержание. Далее теория развивается на основе расширенного воспроизводства этого нового содержания. Специфической чертой нового содержания является *способность создавать в его рамках логически возможные, но слабо связанные с экономической реальностью миры*. В итоге развитие теории экономической науки превращается в фактическое углубление и усложнение математического аппарата, прилагаемого к данной научной области. При этом разрыв между теоретическими конструктами, формальное содержание которых частично или даже полностью несовместимо с предшествующим предметным содержанием теории, рано или поздно приводит к проблеме «контакта» теории с реальностью, к вопросам о том, *что изучает данная наука, каким образом существует объект, который она исследует, то есть какова ее онтология*.

Что такое онтология? Как минимум в последние три десятка лет эта категория вышла за пределы философского дискурса и получила широкое общенаучное распространение. Под онтологией понимают и мировоззрение, и картину мира, и «базовые предпосылки некоторой дисциплины» (теории, научной школы), и «ядро» той или иной научной традиции, парадигмы, исследовательской программы, и базовую модель описания знания (предметной области), и совокупность базовых категорий и понятий, описывающих некую предметную область. При всей разности этих трактовок общее у них то, что они указывают на некие субъектные и/или объектные основания самой конструкции знания. При этом сохраняется традиционная трактовка этого понятия философией – «учение о бытии», в этом смысле онтология связана с указанием на сущее,

совокупность существующих вещей, реальность (структуры и объекты мира), изучаемые той или иной наукой.

Если очень коротко очертить траекторию распространения, применения и интерпретации термина «онтология», то она, на наш взгляд, предстает следующим образом. Понятие, как известно, возникло в недрах философии, где обозначает часть философского знания – учение о *сущем*, о его наиболее общих категориях, таких как бытие, субстанция, причина, действие, явление. Слово «онтология» было впервые употреблено в философском лексиконе Р. Гоклениуса (1613) как синоним «метафизики», у И. Клауберга (1646) термин вводится, чтобы указать на неудовлетворительность понятия «метафизика» для исчерпывающего обозначения такого ключевого определения бытия, как *универсальность*². Далее неологизм получил широкое распространение в школе Х. Вольфа, у которого стал обозначать *первую*, основополагающую *часть метафизики*, занимающуюся определениями сущего как такового. «Онтология» как обозначение «учения о сущем» может заменяться другими близкими по смыслу понятиями при условии, что они, так или иначе, будут обозначать учение об устройстве *бытия/мира/реальности* в целом (его наиболее общих принципах, структурах).

В науке и философии Нового времени проблема бытия впервые ставится как проблема «объективного мира» (противостоящего познающему субъекту), состоящего из множества различных индивидуальных вещей (сущих) со своими качествами и характеристиками. Научное познание упорядочивает многообразие данных, превращая его в правильно и гарантированно познаваемую совокупность. При этом Аристотель, собственно, и начавший эпистемологическую проблематику – проблематику системы знания, – развивал методы познания сущих «как таковых», в их «собственном» определении. Последующая классическая трактовка того, как можно определять бытие, акцентирует то положение, что определения сущих в познании задаются с помощью категорий (которые традиционно считаются основными понятиями онтологии, поскольку позволяют давать определения вещей «в себе»). Но развитие эпистемологии показывает все большую постановку в центр

² Encyclopedie philosophique universelle / Ed. by A. Jacob. – Т. 2. Les Notions philosophiques. – Paris: Presses Universitaires de France, 1998.

исследований вопросов о взаимосвязи и взаимоопределенности сущих в мире, расширяя понимание категорий³. Это, в свою очередь, ведет к *десубстанциализации вещей*. Субстанция, по Аристотелю, – это конкретное, индивидуальное сущее, само в себе имеющее источник своего бытия. Десубстанциализация вещи означает, что ее уникальные особенности и свойства в принципе перестают быть интересными для познающего субъекта, любая вещь теперь имеет значение как член ряда ей подобных, как носитель инвариантных свойств, которыми обладают схожие вещи, либо как причина другой вещи (причинно-следственная связь)⁴.

Отсюда главная онтологическая интуиция, являющаяся основанием естественно-научного способа мышления и познавательного опыта Нового времени, выраженная Н. Кузанским: «...без *отношения* вообще нет никакого бытия», – поэтому всякая вещь в пределе оказывается *функцией/причиной* другой вещи. Собственно, эта всеобщая связь, эта онтологическая соотнесенность вещей между собой и оказалась тем, что затем получило название «*закона природы*»⁵. Поэтому исходная задача познания – выявление «сущности» вещей/явлений – постепенно приобретает в науке Нового времени новый смысл установления отношений, фундаментальных, инвариантных связей между ними. Нацеленность на поиск общего, универсального становится доминантной чертой новоевропейского идеала научного познания, который формируется на основе математизированного естествознания.

Указанные особенности хорошо видны на примере формирования теоретического корпуса экономического знания, моделью которого послужило математизированное естествознание, в самой нацеленности мейнстрима на формулирование *всеобщих* экономических законов, которые действуют на *любой территории* и в лю-

³ См.: Чусов А. В. Онтологические аспекты понимания категорий у Аристотеля, Канта и Гуссерля // История философии и социокультурный контекст – II: Материалы международной конференции. Москва, 24–25 декабря 2012 г. / отв. ред. Т. А. Шиян. – М.: РГГУ, 2012. – С. 332–342.

⁴ Кошовец О. Б. Средневековая теология воли и ее роль в генезисе науки Нового времени: от разрушения онтологии к субъективно-психологическому обоснованию познания // Философия и история науки: проблемы взаимодействия. – Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 2006.

⁵ Гайденок П. П. Волонтерная метафизика и новоевропейская культура // Три подхода к изучению культуры. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 73–74.

бой период исторического времени. Наглядным примером служит созданный Л. Вальрасом проект чистой политической экономии на основе «физико-математической теории меновой стоимости и обмена»⁶, который, представив экономику посредством системы уравнений спроса и предложения, открыл этим эру математизации экономической теории. Л. Вальрас не был первым экономистом, использовавшим математические средства. Однако он был первым, кто перестал использовать математику лишь как средство иллюстрации и вычисления. Он систематически основывал положения своей теории экономики на математических конструкциях. Он сделал математическую модель основным *способом репрезентации*, выражения и экспликации экономических взаимосвязей, которые должны отражать *сущность экономической реальности*, законы ее функционирования.

Итак, стремление мейнстрима к познанию экономической реальности путем формулирования ее наиболее общих и универсальных законов вполне логично ориентируется на математический (исчисляюще-измеряющий и конструктивный) способ репрезентации объекта в знании, а также поддерживается основным «онтологическим сдвигом», который произошел в экономической теории на рубеже XIX–XX вв. (переход от «производственной» онтологии классической политэкономии к «обменной» онтологии неоклассики)⁷. Между тем применение все более сложного математического инструментария маскирует тот факт, что содержательные основания теории составляют представления об экономике конца XIX – первой трети XX в.

Мы считаем, что особенность экономической теории мейнстрима в том, что в ней сформировался *промежуточный слой формальной онтологии (созданной средствами прикладной математики)*, который *опосредует* исторически обусловленную *экономическую онтологию*. Развитие экономической теории по пути увеличения арсенала используемых прикладных средств матаппарата

⁶ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства. – М.: Экономика, 2000. – С. 20–24.

⁷ Кошовец О. Б. Дисциплинарное воспроизводство экономического знания (эпистемологический, онтологический и социально-экономический аспекты). – М.: Ин-т экономики РАН, 2010.

и усложнения формальных техник, привязанных к соответствующим математическим теориям, приносит с собой в превращенной форме онтологию этих математических теорий. В итоге результаты экономико-математических моделей зачастую соотносятся уже не с исходными интуициями и чувством предметной реальности, формируемыми в ходе повседневных практик, а уже с некоторой особой теоретизированной и формализованной средствами прикладной математики реальностью, которая затем интерпретируется как экономическая с помощью привязки к таким универсальным экономическим категориям, как «рынок», «равновесие» и пр. Это, в свою очередь, приводит к тому, что для последующих поколений экономистов теоретическая деятельность сводится исключительно к моделированию идеализированных экономических процессов. К тому же большинство современных моделей носят принципиально частный (во всех смыслах), фрагментированный характер⁸, поскольку они являются *репрезентациями теории*. При этом если базовая, исторически обусловленная научная теория всегда как-то репрезентирует объектный мир, то производные модели зачастую могут выражать теоретические конструкции логически возможных миров, плохо соотносимых с экономической реальностью.

Вернемся к анализу развития изменений в понимании онтологических определенностей научных моделей. В Новое время в связи с развитием классической науки началось исследование отличия эпистемологических характеристик научных моделей от их онтологического содержания. На повестку дня встали вопросы не столько «самого по себе» бытия и его устройства, сколько его *рецепции и репрезентации в знании*. Поворотным пунктом здесь является критическая философия И. Канта, который разводит понятия «предмет» и «объект» – предмет содержит структуры/формы активности субъекта. Бытие здесь *раскалывается на две различные реальности* – на материальные феномены и идеальные категории, обретающие единство лишь в познающем субъекте (сознающем «Я»). Эта линия была продолжена, в частности, Э. Гуссерлем, который ввел понятие «формальная онтология», на наш взгляд, требующее экспликации и применения в онтологическом анализе научных мо-

⁸ Fine B. A Question of Economics: Is it Colonising the Social Sciences? // *Economy and Society*. – 1999. – No 28(3). – Pp. 403–425, 410.

делей. От И. Канта отталкивается несколько линий в трактовке онтологии, которые реализуются или критически осмысляются в рамках так называемого «лингвистического поворота» в философии XX в. (аналитическая философия, М. Хайдеггер, постмодернизм). В целом логико-языковая интуиция в понимании онтологии осуществляет *сдвиг* от анализа бытия (реальности) к анализу значения языковых конструкций, средств, описывающих мир. Акцент смещается на признание того, что наши системы представлений об объекте суть его репрезентации (описания). Стоящий за описанием объект выносится за скобки, поскольку языковая реальность оказывается в данном случае предельной.

Таким образом, история западноевропейской философии показывает две основные интерпретации «онтологии»: 1) *субстанционалистскую*; онтология – учение о сущем (сущности, реальности, объективном мире) как таковом, о его устройстве или наиболее существенных свойствах. Заметим, что такая онтология строится как выделенная и в некотором смысле – единственная конструкция; 2) *субъекто-лингвистическую*; онтология есть структура языка, позволяющая субъектам представлять как мир, реальность и бытие вообще, так и отдельные сущности в частности. Такое понимание онтологии в принципе предполагает сосуществование различных частных онтологий.

Обратимся теперь к разработке «онтологической проблематики» в методологии экономической науки. В современной литературе по этой теме существует несколько подходов, однако подавляющая часть исследований интересуется онтологией с точки зрения выявления многообразия картин (представлений) экономической реальности, их различий, базовых категорий, то есть репрезентацией экономической реальности в экономическом знании⁹. Концептуально тема экономической онтологии, то есть вопрос о реалистичности самой существующей конструкции описания экономического мира, разрабатывается в основном представителями критического реализма¹⁰.

⁹ Baranzini M., Scazzieri R. (eds.) *Foundations in Economics. Structures of Inquiry and Economic Theory*. – Oxford, New York: Basil Blackwell, 1986; Mäki U. (ed.) *The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

¹⁰ Archer M., Bhaskar R., Collier A., etc (eds.) *Critical Realism: Essential Readings*. – London: Routledge, 1998.

Критический реализм вписывается в онтологический поворот в философии в том смысле, что пытается разработать учение о бытии, которое должно предшествовать решению эпистемологических проблем. Речь идет о том, как общественная наука может концептуализировать «социальное». В таком аспекте критический реализм выступает как некая философская доктрина, стремящаяся предложить общественным наукам адекватную социальную онтологию, отказавшись при этом от ключевой онтологической интуиции естественных наук и позитивистской методологии об упорядоченности событий причинно-следственными связями и о том, что эмпирически данное и есть реально существующее¹¹. В такой перспективе онтологический анализ позволяет, исследуя устройство экономической реальности, не только указать на тупиковые пути в развитии науки (методы познания, которые не соответствуют природе изучаемой реальности), но также прояснить, с какими базовыми структурами и механизмами имеет дело экономическая теория (*субстанционалистская интерпретация*)¹². С этих позиций представители критического реализма критикуют методологический индивидуализм, утилитаризм, либеральную политическую теорию и собственно опирающуюся на эти идеи неоклассическую экономическую теорию.

На наш взгляд, Т. Лоусон отчасти верно видит направление решения онтологической проблемы в экономической науке и имеет интенцию сформулировать новые позитивные задачи для экономической методологии, отказавшись от позитивистского и дескриптивного подходов. Во-первых, он справедливо отмечает, что вопрос о реалистичности экономических теорий невозможно решить, оставаясь на уровне эпистемологии. В этой связи он четко пытается отделить свой подход к онтологии от того, что именует «онтографологией» (или «опологией») – изучением бытия, редуцированного к изучению онтологических предпосылок, поскольку в таком случае онтология «сводится» к эпистемологии (*субъекто-лингвистическая интерпретация*). Во-вторых, ценна сама постановка вопроса о применимости математических методов в экономическом

¹¹ *Ontology and Economics: Tony Lawson and His Critics* / Ed. by E. Fullbrook. – London: Routledge, 2008.

¹² Lawson T. *Economics and Reality*. – London: Routledge, 1997.

анализе с онтологической точки зрения. По мнению Т. Лоусона, господство формальных методов в ортодоксальной экономической теории приводит к принципиально неадекватному отображению событий реального мира, а также к конструированию «закрытых» систем, тогда как экономика, будучи социальной сферой, принципиально открыта, в ней, как правило, отсутствуют внеисторические инвариантные связи между событиями.

Тем не менее камнем преткновения для Т. Лоусона становится вопрос, можно ли на основе созданной им социальной онтологии разработать конкретную экономическую теорию или исправить недостатки имеющихся. Поэтому его позитивная программа не убеждает, особенно в части ее применимости, помогает ли она решать сугубо научные (не философско-методологические) проблемы экономической науки. Так происходит, потому что созданная Лоусоном экономическая онтология оказывается *замкнутой в философском дискурсе*, проблемы экономической науки фактически перемещаются в широкий контекст философских дискуссий. В результате этого его концепция способна выполнять лишь *критическую функцию* по отношению к существующей экономической теории.

В сложившейся ситуации, на наш взгляд, более прогрессивной является *задача позитивной* переинтерпретации онтологических конструкций в *метатеоретические научные схемы* для проверки на реалистичность экономических теорий, применимых на практике. Это требует одновременного выполнения двух условий: 1) демаркации двух базовых традиций концептуализации категориальных схем, связанных с понятием «онтологии» (субстанционалистской и субъекто-лингвистической), которые были выделены выше; 2) введения достаточно универсальной онтологической схемы, неклассически расширяющей онтологические представления. С одной стороны, она должна обеспечить субстанциальное единство объект-субъектных взаимодействий, с другой – следует изменить представления об отношении между субъектом и объектом. Задача введения и эффективизации такой схемы сложна, и сейчас можно наметить лишь некоторые основные ее направления: 1) используя философские и методологические наработки XIX–XX вв., существенно структурно переработать активно воспроизводящуюся по

сей день абсолютизированную в новоевропейской культуре оппозицию «субъект – объект» (ввести представления об активности «объекта», рассматривать отношения между «субъектом» и «объектом», явно вычлняя как опосредующий их «предмет», так и инкорпорирующий их «мир» и т. д.); 2) различать мировые, актуальные и исторические, субъектные и объектные онтологические определенности; 3) отличать онтологию от онтики; 4) рассматривать методологический синтез онтологических, гносеологических, эпистемологических, логических и семиотических определенностей. Для построения более универсальной онтологии необходимо уйти от фундаментальной новоевропейской метафизической интуиции об обособленности мира объектов «самого по себе» и сознания «самого по себе». Эта интуиция зачастую обуславливает ход рассуждений об онтологии и приводит к тому, что либо ученый придерживается «наивного натурализма/реализма», либо защищает конструктивистскую модель, которая, по сути, отказывает в существовании мира, независимого от субъекта.

Оттолкнемся от неклассической идеи о том, что онтология каждой данной модели – это «система предположений о типах существования и не существования в рамках данной модели»¹³. Для нас важно то, что в этой традиции онтологические определенности принципиально связаны с объективацией представлений и категорией «предмета». Тогда *онтология* теории (модели) – это базовый слой данной теоретики предметной области (предметной реальности). Этот слой представляет собой совокупность объективированных инвариантов представлений. Она выражена в языковых структурах и обеспечивает существование (воспроизводство) категориальных схем как предпонятийных структур «мест-в-представлении» (то есть прежде всего мест в знании) и их диспозиций, а также типов существования, несуществования и отношений между ними, служащих основой для движения мысли и речи (воспроизводства знания).

Тем самым в онтологии присутствуют структуры, имеющие как объективное, так и субъективное происхождение. Первые несут в себе объектные структуры предмета. Вторые же объективируются

¹³ Чусов А. В. Об изменении онтологии понимания пространства в XIX веке // Вестник МГУ. Серия 7 «Философия». – 2010. – № 4. – С. 66.

в ходе их воспроизводства индивидом/коллективом и становятся объективно существующими структурами субъекта в силу постоянного воссоздания позиции познающего субъекта в мире. В таком понимании онтология является неотменимой объективной *реальностью*, на которую опирается *любое рассуждение*, выраженное в любой семантической системе (в языковых практиках). При этом в естественных языках дискурсивные практики ограничены «разрешенными» «ходами рассуждений», порождающимися и воспроизводимыми в рамках определенной культуры¹⁴. Онтология неявно предполагает реальность как некоторую особую целостность из-за того, что общественный субъект всегда занимает *выделенное «место»* в мире, а результаты его актов, направленные «вовне», «преломляются» и возвращаются обратно к субъекту.

Однако как при этом учесть субстанционалистское понимание «онтологии» и что же имеют в виду ученые, когда говорят об «объективном мире»? На наш взгляд, учет обеих традиций требует экспликации *различения* онтологии и онтики. Понятие онтики разрабатывали разные философы (прежде всего Г. Г. Шпет, А. Ф. Лосев и М. Хайдеггер), но мы модифицируем их концепты, рассматривая онтику как всю актуальную действительность в ее мировой локализации «здесь-и-теперь» (понимаемых неточечно). Тогда *онтика* – это сами актуальные объектные структуры, которые онтология лишь представляет. Упрощенно онтика есть совокупность актов, а онтология – фактов.

Для концептуализации выражения «реальность» введем новый концепт – «агенс» («актор», «объект»)¹⁵. Исходной и принципиальной онтологической установкой в нашем подходе является введение онтологической схемы «агенс(ы)-в-мире», то есть рассмотрение все-

¹⁴ Романов В. Н. Историческое развитие культуры: психолого-типологический аспект. – М.: Издатель Савин С. А., 2003.

¹⁵ Термин «агенс» (от лат. *agens* – действующий) выбран из-за закрепившихся в истории философии и науки денотаций и коннотаций, связанных с термином «объект», предстающим как нечто пассивное и противостоящее субъекту (субстанции иной природы). Использование термина «актор» малопродуктивно, поскольку в социологии он уже устойчиво используется в значении *действующего субъекта*, способного влиять на процессы, происходящие в мире, что плохо коррелирует с узусом понятия «объект». В лингвистическом смысле «агенс», как правило (в языках номинативного строя), совпадает с подлежащим и на практике близок к значению термина «актант», введенного лингвистом Л. Теньером.

го многообразия субстанций, действительное существование которых создается только актами (действиями) и только в настоящем месте-во-времени («здесь-и-сейчас»). Ближайшей аналогией этому пониманию является семиотическое понятие «вхождение знака в текст». Мы же будем говорить: «вхождение агенса (объекта) в мир». Тогда под *миром* понимается актуальный комплекс взаимодействий и результатов взаимодействий, становящийся в итоге не только собственных актов агентов, но и их взаимных или совокупных реакций. В этом постоянно изменяющемся, но в основных своих чертах воспроизводимом взаимодействии вхождений-агентов-в-мир конституируются и их места, и их диспозиции. Строго говоря, локальные миры в ходе взаимодействия составляющих их агентов расширяются, включая в себя и в свое «прошлое» компоненты и результаты взаимодействий, определяемых *внешними* по отношению к локальному миру агентами¹⁶. Метафорический образ такой онтологической схемы – это «пена», пузырьки которой постоянно расширяются и сужаются, поглощают друг друга, возникают и исчезают. Тогда *реальность* – это актуально многосвязанная взаимодействиями совокупность всех объектных вхождений-в-мир, а также связанная совокупность всех существующих в этом настоящем времени *результатов* их действий (в том числе результатов прошлых – опосредованных – взаимодействий и незаконченных взаимодействий, служащих основой для «потенциального будущего»), в которой выделяется *особая позиция субъекта*.

Строение конкретных предметных онтологий задают базовые категориальные «сетки» (предельные метатеоретические основания). Сами категории понимаются здесь не традиционно наивно как «наиболее общие понятия»¹⁷, а как объективируемые и объективированные формы активности понимания, обеспечивающей синтез мыследеятельных и речевых актов с определенными аспектами практик, формирующих конкретную предметную область

¹⁶ О соотношении категорий «мир» и «объективация» см.: Фролов И. Э. Современный финансово-экономический кризис и формирование новой экономической теории // Материалы XII Всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий», 12–13 апреля 2011 г. – М.: ЦЭМИ РАН, 2012. – С. 105–119.

¹⁷ См., например, словарную статью «Категории» / Гл. ред. В. С. Степин. Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 229–233.

и частично «интериоризируемых». В таком понимании *категории* – это формы понятийно объективируемого синтеза предметных структур, имеющих две стороны: с одной стороны, фиксирующих компоненты данностей, обусловленных объективированными коллективными практиками («внешняя сторона»), а с другой – объективированные предпонятийные структуры «мест» в универсуме представления, которые определяют синтез смысловых компонентов знания («внутренняя сторона») ¹⁸. Заметим, что при онтологическом анализе помимо нахождения собственно категорий и отношений между ними нужно находить и категориальные схемы типа «агенса-в-мире», которые обычно упускают из-за представления о мире как вместилище вещей, существующих «сами по себе». Следует отметить, что для каждой конкретной теории в ее предметной области может быть выявлена своя конкретная категориальная «сетка».

Из вышеизложенного следует, что каждая конкретная онтология обеспечивает самостоятельность и обоснованность самых абстрактных теоретических знаний. Это происходит постепенно: любой исследователь весьма длительно осваивает формы действий с абстрактными структурами, в рамках чего и происходит *субъективация* (необходимая сторона объективации общественных практик) индивида и коллектива, которая и дает им «доступ» к теоретической реальности в качестве субъекта именно этой реальности. В таком понимании *теоретическая (научная) реальность* – это воспроизводство многообразия актуально воссоздаваемых реализаций особых абстрактных и идеализированных конструкций (структур), включенных в специальную научную деятельность. Такие теоретические конструкции (например, для экономической теории это «ожидания рациональных субъектов», для финансовой – «доверие» и пр.), по сути, представляют собой объективированные формы деятельности определенного типа субъектов, как созданные

¹⁸ Подобное определение категории отталкивается от концепта «экзистенциал», введенного М. Хайдеггером в «Бытии и времени», который противостоял традиции гносеологической интерпретации категорий как наиболее общих форм рассудка (И. Кант). Существенным отличием от концепции Хайдеггера здесь является представление о предмете, который *расширен* на онтические компоненты, *обусловленные общественными практиками*, которые с необходимостью включают как тела индивидов, так и внешние к ним подручные субъекту объекты мира.

прошлыми поколениями ученых, так и воспроизводящиеся усилиями современных исследователей и пользователей.

Как соотносятся в таком случае научная реальность и онтология? Онтология теории (модели) выступает основой и обоснованием реальности теории, порождая у ученых чувство *непосредственной истинности* их теоретических конструкций. Заметим, что их истинность должна была бы проверяться исторически сложившейся практикой (для экономики это – с некоторыми оговорками – бизнес-практика, экономическая политика и управление хозяйством). Однако проверка многих теоретических суждений на их соответствие действительности из-за ряда условий сильно затруднена (а иногда и невозможна), поэтому *приходится удовлетворяться логической истинностью*, а также их воспроизводимостью (возможно, частичной) в теоретических практиках, принятых в конкретной научной школе.

При использовании схемы «агенса-в-мире» обнаруживается, что онтические акты индивида/коллектива ученых (в том числе использующих материальные средства, а следовательно, и онтические акты объектов) в ходе развития теории (научной практики) порождают новые относительно самостоятельные уровни представлений, которые снова объективируются в новые онтологические определенности. А они формируют новую онтологию, которая обосновывает новую теорию (модель), даже если она сильно оторвана от изначального предмета научной традиции. На данном этапе применяемые философские техники дают возможность выявить различия в онтологиях различных теорий, *но не обеспечивают априорного определения наиболее достоверной теории*.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу: относительная самостоятельность предметной области теории создает условия для восприятия ее исследователем-теоретиком непосредственно в качестве *базовой научной реальности*, объективированные предметные структуры (онтология теории) которой выступают для него как «объективный мир». Подчеркнем, что «объекты» объективного мира ученого – это не референты предметов в семантическом смысле, как это традиционно полагается, а объективированные предметные

определенности, причем *различных* уровней реальности¹⁹. При этом следует заметить, что в разных исторических традициях объективируются различные «объективные миры», которые могут частично пересекаться по набору объектов и их отношений. Так, например, для одной экономической теории товар – это вещь, которая имеет цену как свойство вещи; для другой – цена не свойство, а отношение к деньгам; для третьей цена – это превращенная форма стоимости, а деньги – особый товар; для четвертой товар, цена и деньги – это воспроизводящиеся цепочки локальных взаимодействий, инвариантами которых является сохранение *диспозиций мест торговли* со всей их инфраструктурой и фиксации актов смены собственности на товары при сохранении на рынке движения денежных средств с учетом оплаты сделок «входа» на рынок, предполагающих объективированные формы деятельности определенных типов субъектов²⁰. Это означает, что, с одной стороны, с позиции исследователя одной теории часть типов объектов другой теории просто *не существует*, хотя вроде бы всеми используются одинаковые термины «товар», «цена», «деньги». С другой стороны, для исследователя, стоящего на более универсальной позиции, структуры знаний других теорий частично являются подструктурами знаний его теории.

Вышеописанное положение дел создает неотменимый *оптический «зазор»* между реальностью теории и объектной реальностью, обусловленный ограниченностью имеющихся научных практик, что приводит к возникновению «неистинных» (но логически возможных) теоретических миров, особенно в тех формах знаний, функционирование которых многократно опосредовано и удаленно от повседневности. Это как раз в полной мере относится к «ортодоксальному мейнстриму».

¹⁹ Примером различия объективного и объектного мира в астрономии служат, в частности, такие объекты, как созвездия. В объектном мире созвездий нет, так как это конstellации видимых положений звезд на земном небосклоне, а в объективном мире астрономов конвенционально принятые созвездия (стандартно для земного неба их 88) вполне успешно применяются для навигации.

²⁰ Фролов И. Э. Теоретико-методологические аспекты проблемы прогнозирования мировых финансово-экономических кризисов // Научные труды ИНП РАН. – М.: МАКС Пресс, 2010.

Поэтому такое научное знание реально *никогда* не может *непосредственно* применяться в исследованиях, связанных с изменениями объектного мира (в нашем случае – экономической действительности), то есть его нельзя обратно «рекомбинировать» к первоначальным задачам. Обязательно нужен слой *опосредующих* знаний, роль которых и выполняют прикладные знания, *относительно автономно* существующие по отношению как к непосредственным практическим знаниям, возникающим в момент какой-либо деятельности, так и к теоретическим знаниям. Из всего этого следует, что развитие общественных (экономических) теорий может приводить к созданию концепций и моделей, онтологически несовместимых с основаниями классической теории.

Возвращаясь к проблеме отношения онтики и онтологии, укажем, что *реальная* онтика есть в первом приближении совокупность актов всех объектов, тогда как *идеальная* онтика центрирована актами полагающего представления субъекта. Отсюда при учете относительной самостоятельности актов субъекта вытекает возможность разрыва между онтикой представления и онтикой мира, представляемого при актуализации представления. Относительная самостоятельность субъекта проявляется, в частности, в его способности переходить от абстракций к идеализациям. Эти положения можно проиллюстрировать анализом введения одной из моделей «конкурентной экономики» в работе К. Эрроу и Ж. Дебрё. В дополнение к указанным выше различным определениям товара заметим, что в этой модели товар есть обмениваемая, но не потребляемая ценность.

На основе введенной выше системы определений и вытекающего из них подхода к анализу онтологических конструкций в качестве примера кратко рассмотрим «абстрактную экономику» Эрроу – Дебрё, где товары введены как непотребляемые ценности²¹, то есть как особый тип существования «агенса-в-мире».

В своей модели К. Эрроу и Ж. Дебрё вводят четыре основных допущения (assumptions) доказываемой ими теоремы²²:

²¹ Чусов А. В. (Полит)экономическая теория и идеология // XIV международная научная конференция «Ильенковские чтения – 2012»: Э. В. Ильенков: «Идеальное, мышление, сознание», 12–13 апреля 2012. – Ч. 2. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 377–386.

²² Arrow K., Debreu G. Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*, Journal of the Econometric Society. – 1954. – Vol. 22. – Pp. 265–290.

- «замкнутость» и «выпуклость» множества производственных планов, «принадлежность нулевого вектора» этому множеству, антисимметричность ненулевых векторов производственных планов по отношению к умножению на -1 ;

- «замкнутость, выпуклость и ограниченность снизу» множества векторов потребления;

- формулировки: а) «непрерывность функции полезности» на множестве векторов потребления; б) для каждого из потребителей «отсутствие вектора потребления», обладающего максимальной полезностью; в) «выпуклость функции полезности» на множестве векторов потребления;

- «существование вектора потребления» по всем продуктовым позициям, меньшего, чем вектор начальных запасов каждого потребителя, «нормирование на единицу» каждой строки матрицы α_{ij} коэффициентов «дохода» j -ой производственной единицы от продажи своих продуктов i -му потребителю.

Затем они приводят содержательную интерпретацию (*discussion*) вводимых конструкций на основе обращения к таким понятиям экономической науки, как «производство», «потребление», «спрос», «выбор», «предпочтения» и пр. Далее они фиксируют основные условия существования конкурентного равновесия в терминах функции, зависящей от векторных величин²³: максимизация скалярного произведения производственных планов и цен, максимизация полезности на потреблении при условии учета запасов и цен, положительность вектора цен и его нормирование на единицу, условия неравенства, накладываемые как на вектор превышения спроса над предложением, так и на скалярное произведение вектора цен и вектора превышения спроса над предложением.

На введенной основе формулируются доказываемые утверждения о существовании конкурентного равновесия в контексте принятых допущений «лемма об абстрактной экономике»²⁴. Модель «конкурентной экономики» строится через формализацию *единственного экономического мотива* – получения каждым участником рынка максимальной прибыли от всех покупок и продаж про-

²³ Arrow K., Debreu G. Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy... – Pp. 268–271.

²⁴ Ibid. – P. 274.

дуктов (в том числе труда с учетом вкладов и потребителей, и производителей).

Существенным допущением является то, что на введенном «абстрактном» конкурентном рынке *всеми участниками одновременно торгуются все возможные продукты* при условии, что для каждого участника торгов собственный запас каждого продукта превышает набор, удовлетворяющий его минимальные потребности. Субъекты рынка вступают в обмен, только когда предполагают увеличение полезности.

Модель в случае появления на рынке новых участников претерпевает существенные внутренние преобразования (так как меняется размерность базисных векторных множеств). Поэтому она *несовместима с появлением* на рынке новых товаров, поскольку существенно зависит от предположения о наличии у каждого участника рынка набора всех продуктов (выставляющихся на рынок), удовлетворяющего его минимальные потребности. При этих условиях на рынке принципиально не может присутствовать ограниченная группа участников с уникальным или выделенным (имеющимся не у всех) продуктом (товаром). Неявной существенной предпосылкой модели также является социально-экономическая однородность позиций участников рынка (отсутствуют социальные страты).

Методологический анализ онтологических конструкций и собственной интерпретации модели Эрроу – Дебрё дает основания для следующих выводов.

1. «Абстрактная экономика» у К. Эрроу и Ж. Дебрё представляет собой концепт, который синтезирует все их идеализированные онтологические конструкции в некотором *логически возможном мире*, где только и существует описанное авторами конкурентное равновесие.

2. Доказательства теоремы и лемм основываются на интуитивном понимании *возможности применения математических средств*, а не на структуре объектной экономической реальности.

3. Модель «конкурентной экономики» доказывается как чистая теорема существования. А это означает, что *отсутствуют* какие-либо частные критерии равновесного решения или условий его получения для хозяйствующих субъектов, включенных в реальные экономические процессы.

4. В модели осуществлены запреты на нулевое потребление какого-либо товара, а также введение нового типа товара, «естественный» возврат к некоторому исходному состоянию (то есть *нет воспроизводства*).

5. Поскольку новая «абстрактная экономика» несовместима с предыдущей «абстрактной экономикой», то это принципиально не позволяет вводить в рассматриваемую модель *динамику*, то есть изменение количества участников рынка или предметов торговли, в том числе и появления новых товаров.

6. Фактически модель вводит линейное конечное *логическое время*, которое заканчивается, когда все участники рынка максимизировали свою полезность, то есть достигли равновесия (достижения состояния максимизации всех векторов полезности). Иначе говоря, модель фактически приводит к состоянию гомеостаза.

7. Прямая начальная интерпретация основных формализуемых онтологических конструкций из-за принятых для разрешимости математических средств нереалистичных добавочных допущений не может быть распространена на получаемые в рамках этой модели выводы. Это связано с тем, что модель Эрроу – Дебрё *существенно основана на идеализированных объектах*, причем в ней отсутствуют механизмы перевода идеализированных компонентов в абстрактные. Следовательно, эта модель равновесия интерпретируется на экономической реальности лишь *частично*, и основной результат можно рассматривать лишь в области, приближенно отвечающей принятым допущениям.

8. Результаты, полученные при анализе модели Эрроу – Дебрё, *непосредственно не совместимы с эмпирической экономической реальностью*, но могут быть с рядом оговорок *редуцированы* к модели чисто *спекулятивного, локального и замкнутого рынка*, где товары приобретаются не для потребления (как производственного, так и личного), а только для перепродажи. Это и есть реальная определенность данной модели, то, как она действительно соотносится с реальностью.

В заключение отметим, что предложенный подход к онтологическому анализу теории (модели) выявляет определенные типы реальности, к которым относятся как сама теория, так и научная деятельность, ее формирующая. Однако различные теории (фрагменты

теории, модели, концепции) могут относиться к разным реальностям хотя бы в силу того, что экономическая реальность меняется в ходе исторического развития, а сама теория может концептуализироваться с разных позиций. Поэтому такой тип анализа может находить онтологические «разрывы» как в теории, так и между различными теориями. Предложенная онтологическая схема позволяет проверить совместимость или несовместимость различных теорий друг с другом, но чтобы понять, почему так произошло, нужен также предметный содержательный анализ. Он позволит ответить на вопрос, является ли подобная совместимость/несовместимость результатом развития теории (субъектного развития) или же результатом изменения экономики, возникновения в ней новых реальностей (объектного развития). Содержательный анализ также позволяет выделить период, в который конкретная теория работает – в это время были найдены реальные определенности.

Мы полагаем, что задача создания некоторой общей (универсальной) онтологии для решения проблем экономической науки является бессмысленной. В таком случае экономическая (социальная) онтология мыслится как нечто внеисторичное и постоянное, а сам социальный мир (реальность) – как единый и неизменный, что принципиально неверно. К тому же создание универсальной, истинной онтологии – это по сути философская, а не научная задача. Поэтому для целей науки возможно лишь ставить задачу создания относительно универсальной онтологической схемы, которая, однако, должна постоянно конкретизироваться и корректироваться (то есть локализоваться относительно временного периода и места), поскольку экономическая реальность принципиально изменчива.

Исследователь должен уметь воспользоваться инструментальными и метатеоретическими преимуществами, которые предлагают средства философского анализа, но при этом не идти на поводу у философского дискурса, а попытаться применить эти средства для решения задач конкретной науки. В этой связи онтологический анализ в экономической науке должен иметь целью не создание социальной онтологии философскими средствами с целью отсеечения нереалистичных теорий, а построение *определенной научно-реализуемой онтологии* конкретной экономической теории, которая

попыталась бы выяснить, *что* в той или иной теории применимо на практике, *что можно* и *нужно конкретизировать*²⁵.

Следует подчеркнуть, что нельзя непосредственно сопоставлять онтологию некоторой теории и реальную экономическую практику, можно лишь сопоставить онтологию с онтологией. В связи с этим необходимо поставить новую задачу построения базисной онтологической схемы на основе описания и концептуализации современного состояния экономики с использованием средств наиболее универсальной «большой» экономической теории. Путем сравнения онтологических оснований данной схемы с основаниями классических экономических теорий мы получим направление их коррекции. Подчеркнем, так мы получим не просто онтологию некоторой классической теории, а научно реализуемую онтологию этой теории (то есть возможность проверить ее реализуемость, отношение к практике). В идеале в дальнейшем это может стать основой для формирования пакетов рекомендаций экономистов в конкретных финансовых и социально-экономических ситуациях, претендующих на репрезентативность и достоверность, защищенную всей научной школой.

²⁵ Кошовец О. Б., Фролов И. Э. Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки // Теоретическая экономика: онтологии и этика. – М.: Институт экономики РАН, 2013.